

Экран и
сцена. -1996-
Мокі - Зокі -
976.

– Читал ваши пьесы: “Уличная ласточка” или “Заря взойдет”, или ту же “Чудную бабу”, и пришли на ум американские фильмы: “Щепка” и особенно “Основной инстинкт”. Поясню: вот ты думаешь, что герой такой, а потом он вдруг другой, а потом и еще другой – то есть в этих фильмах характер плывет. И вот это странное жутковатое ощущение, когда вместо близкого человека – вдруг происходит какая-то деформация, и получается незнакомый, и может, даже опасный человек. Вот твой друг стоял, и вдруг он перетекает в какую-нибудь старушку типа Бабы Яги. Идеи Джо Эстерхаза, сценариста вышеупомянутых фильмов, для меня накладываются на его личный опыт: когда он был подростком, внезапно душевно заболела его мать, и произошло чуть ли не мгновенное превращение из любящего – в агрессивного, чужого человека. У вас был, я не имею в виду ваших родителей, унаси Бог, опыт подобного стресса? Если это корректный вопрос.

– Вы даже не подозреваете, насколько это актуальный вопрос. Мне кажется, сейчас в России та ситуация, когда человек снимает последние личины и обнажает суть. И я вдруг увидела, как долго, беспечно и комфортно жила в окружении каких-то людей и, если испытывала душевное неудобство или боль, не задумывалась о причинах, потому что надо было бежать дальше праздновать свою жизнь. А тут вдруг увидела, что многие-многие из моих друзей обнажили волчьи и шакальи клыки, и я просто поразились. Один мой знакомый, прототип главного героя в моем новом романе; у него не только волчьи или шакальи клыки, а совершенно прямая отданность сатане, и этот человек об этом не знает, об этом можно не знать.

Вот высокомерие интеллигентское: приблизить к себе другой класс. (Этот человек из рабочего класса). Я приблизила и как бы дарила свое общение. Человек был простой, неразвитый, хотя нормальный внешне. И я своим миром наделяла его, наделяла, и вот, помните, сказала: “не мечите бисер перед свиньями” – и это существо, знаете, как освоило мои дары? Научилось скользко, inferнально хитрить. В нем пробудились такие темные страшные силы, которые могли дремать и дальше. И мало того: я поняла, что это 5 лет, пока мы общались, я этого человека боялась, но скрывала от себя. Сейчас идет страшное испытание; есть масса людей, от которых я просто отшатнулась в ужасе, они обнажили такие лица...

– Как это “скользко, inferнально хитрить”?

– Ну, представляете себе, 40 лет человеку. И я не помню, в каком контексте прозвучало, но я сказала: “Душа бессмертна”. И вдруг поняла: “Что? Ты не знал, что душа бессмертна?” “Не-ет”. И еще у него такая радость всегда, что ничего не знает и ничего не умеет. “Не-ет”. “Ты – 40 лет жил и не

знал, что душа бессмертна?!”. И вот тут я поняла, что боюсь его.

Система распалась, и это здание оказалось во власти стихий. Некому указывать, куда идти. А тут еще я со своим миром, но я-то художник: я знаю, что мне дано, чем я владею. Я, например, рассказываю ему про свой роман, про то, как прекрасен мир или, наоборот, как он ужасен. То есть я с ним беседую на равных. Я его посвящаю в тайны красоты, в тайны того, как я вижу мир. Но этого нельзя делать, потому

Нина САДУР:

“Я не думаю о том, поймут или нет”

Литератор во втором поколении Нина Николаевна Садур (а дочь ее Катя – уже, соответственно, в третьем) замахнулась на Гоголя (пьеса “Панночка”), на самого Николая Васильевича. Это говорит об отваге.

Открыта: копые наперевес. В полемике – стремительна, одухотворена, умела и темпераментна. Чувствуется опыт общения с людьми театра. Импровизация, энергетический посыл собеседнику, порывистость актерского жеста.

что он не возвышается, он никогда не увидит, что Венера Милосская прекрасна. Он поверит мне на слово, но он отобьет ей... не знаю, задницу, потому что рук нет. Знаете, отчего? От ненависти, что он не видит...

– Есть такая точка зрения: интеллигенция смотрит сверху вниз на простого человека. Снобизм. А вот если взять американский кинематограф, он потому все другие забыл, что демократичен. Он вглядывается в простых людей, просчитывает, что им интересно.

– Это не интерес к простым людям, это обслуживание вкусов обывателя, это лезть его комплексам. Что он такой средний. Не путайте понятия: “народ” и “обыватель”.

– Знаете, насчет обывателя. Насколько мне известно, американцы стараются все категории зрителя привлечь, просчитывают: вот это место поправится этой категории, вот это – той, вот это – еще одной. Им желательно, чтобы все катего-

рии к ним пришли, сели и смотрели.

– Я вообще по другому принципу существую. Я никого никогда не обслуживаю и не лещу. Я пишу свой мир, не думаю о том, поймут или нет. Моя задача: исписать максимально то, что я чувствую и как я вижу. Это единственный способ моего существования в обществе.

Но вы другой вопрос на самом деле задали. Не высокомерие ли? Нет. Высокомерие – считать, что у тебя есть общий язык с народом. Народ живет своими законами. Он не обязан художнику. Это я ему обязана, а не он мне. Мало того: народ

штадский с ним разговаривать не стал. Не отверз уста.

Никогда не думайте, что вы горбатого можете сделать прямым. Господь так вот попустил, что дело этого человека брести во тьме, значит, его путь – во тьме. Он пришел оттенять светлое своей тьмой. А ты иди своим путем. Или отдай себя служению людям. Мы же не служению людям себя отдаем. Блаженная Ксения Питерская, у которой жених умер любимый, она потряслась этим, раздала все свое богатство и нищая ходила по Питеру, и всем помогала, и осталась святая. Понимаете, мы же не так служим. Мы служим своему Де-

тетя Маня и дядя Вася оказались в недостойном положении передо мной, Ниной Николаевной Садур – очень сильно и очень надолго. Что касается художников, то каждый художник – волк-одиночка. С художниками я тоже в горы не пойду. Столкнул просто...

– Вот видите.

– Если придется в горы идти, я пойду одна. Мало того: меня совершенно никогда в жизни не заботило положение искусства в мире людей. И культуры современной. Меня вообще не заботит проблема: до какой степени сейчас человечество будет занято искусством. Меня заботит сейчас только мой мир, который меня жжет и который я должна выписать. Сейчас идет упадок, безусловно. Но на смену ему обязательно будет всплеск, и я вижу это по новому поколению.

– Если ему дадут выжить.

– Что значит “дадут выжить”? Извините, мне дали выжить. Мне было страшнее. Вы не знаете, как это страшно, когда сидят и командуют: вот

это вы должны писать, а это не должны. Вы не представляете, что это такое, эти грязные руки раздвигают вам грудину и шарятся у вас там. Это недопустимей любого отсутствия колбасы. Просто народу до этого нет дела. Это его право.

– Может, так, и на этом закроем тему. Вот античная Греция и на арене всеобщего интереса – скульптура, вот Средневековье и на арене всеобщего интереса – архитектура, вот Возрождение и на арене всеобщего интереса – живопись и литература, вот 18, 19-е века – литература, живопись, вот 20-й век, и потихоньку выходят на арену визуальность, динамика, то есть кино, которое сейчас уступает площадку. И такое впечатление, что в конце концов на арену выйдут какие-нибудь рекламные ролики. Как нечто самое живое.

– Это смотря на какую арену. Это американизация сознания.

– Но это же объективно?

– Что значит, объективно? Вас насилуют этим? Не поддавайтесь этому. Вы лично. Почему-то меня это не волнует, меня социализм не трогал, и американизация как-то тоже помимо меня. Это индивидуальное ваше. Это плебс. Так вы не поддавайтесь плебсу.

А, извините, по поводу дяди Васи. Мой любимый русский человек – таксист. Ни разу меня в жизни не предал.

– Ну вот, видите.

– Но это другой дядя Вася. Не тот люмпен, то мне делает ремонт и ворует что только можно. Еще и рассказывает про свою неудавшуюся жизнь. “Плебей, – как сказала моя дочь, – с блудливым мозгом”. Мой таксист – это же ямщик, потомок ямщика. Тоже я там ему что-то нюнила-хныкала, что вот, Америка... И знаете, что он мне сказал? “Ничего, дочка, растворим”. Все. Ответ в этой фразе. Обязательно включите в интервью.

Беседовал
Юрий СОЛОДОВ.

